

действиями власти. Часть опубликованных в «Нашем пути» сведений не дублировалась в других изданиях, что делало газету ценным источником информации, восполняющим пробелы в отражении происходящих событий. Публикуемые материалы о межпартийных конфликтах с участием левых эсеров на съездах различного уровня, сведения об участии партийных боевых дружин в военных действиях против белочехов выполняли не только информационную, но и агитационную функцию. Состав газетных материалов подбирался так, чтобы привлечь аудиторию, помогая ей воспринимать пропаганду нужным образом и определиться в политических реалиях при выборе организации, защищавшей ее интересы. Эффективное ведение агитационной работы газетой «Наш путь» позволило ей, оставаясь в оппозиции, легально выполнять информационные функции и успешно бороться за влияние левозероверской организации в регионе до середины 1918 г., способствуя ее консолидации и численному росту в этот период до 18 тыс. человек.

Земля и Труд (Котельнич). 1918.

Знамя социализма (Уфа). 1918.

Наш путь (Екатеринбург). 1918.

Уральский рабочий (Екатеринбург). 1918.

УДК 94(470.5).084.3:351.751

М. А. Фельдман

«РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ»: ТАКАЯ КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ (судьба профсоюзного журнала в контексте отношений власти и рабочего социума Урала в 1922–1924 гг.)

В статье рассмотрены основные сюжеты короткого периода издания главного профсоюзного органа Уральской области – «Рабочего журнала». Сделан вывод о том, что статьи, правдиво характеризующие природу отношений партии, государства и профсоюзов, бюрократический облик профсоюзной верхушки, формализм ее работы и оторванность от нужд рабочих, властные структуры Уральской области не могли принять иначе, как антибольшевистские. Тем не менее, издание «Рабочего журнала» способствовало формированию критических подходов к положению рабочих на производстве и в быту.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Урал, журнал, рабочие, профсоюзы, партия.

Сфера общественно-политической жизни в СССР в 1920-е гг. почти столетие привлекает внимание исследователей, вызывая дискуссии о возможности сочетания авторитарного режима и демократических институтов. Тенденция воспевания неуклонного роста влияния правящей большевистской партии в советскую эпоху сменилась в 1990-е гг. идеализацией демократических перемен в годы НЭПа. Конкретно-исторический подход позволяет на частном примере выявить сочетание случайностей и закономерностей с последующим «погружением» в контекст исторической эпохи.

Целью предлагаемой статьи является изучение судьбы профсоюзного журнала в промышленном регионе СССР в первой половине 1920-х гг. Отталкиваясь от конкретного примера, ставится задача: определение характера эволюции взаимодействия власти и рабочего социума в период НЭПа.

Созданный в начале 1922 г. «Рабочий журнал» рассматривался как профсоюзный журнал всех губерний Уральского экономического района. Главной задачей его провозглашалась «тесная связь с рабочими массами» [От редакции, с. 1–2]. Уже первый номер журнала содержал обстоятельный обзор социологического обследования положения рабочих Екатеринбурга. Комментируя результаты обследования быта пролетариев в 1922 г., известный экономист В. А. Овсянников отмечал: в сравнении с довоенным временем материальные условия существования рабочих ухудшились по крайней мере втрое. Если расходы на питание уменьшились в три раза, то на культурные потребности – в 4 раза, гигиену – в 8 раз, одежду – в 11 раз, табак и напитки – в 15 раз. Не скрывало профсоюзное издание и того, что удельный вес рабочих цензовой промышленности, питавшихся на уровне и выше невысокой нормы потребления, за 1913–1922 гг. сократился почти в 1,7 раза: с 50,5 % до 30 % [см.: Овсянников, с. 18–20].

Осознание цены, которую заплатил рабочий класс за революции 1917 г., мировую и Гражданскую войны, стало важным понятием самому неискушенному читателю. Не выбирал выражений и профсоюзный работник, будущий заместитель наркома труда СССР И. А. Толстопятов: «крайне низкий уровень заработной платы не обеспечивает рабочему даже необходимый для него физиологический уровень» [Толстопятов, с. 78].

Планка, заданная первым выпуском, сохранялась и в последующих номерах, где появились постоянные разделы о положении дел в отраслевых профсоюзах Урала, работе заводских комитетов промышленных предприятий. Систематически выходили статьи о состоянии заработной платы рабочих, работе клубов в горнозаводских поселках, об особенностях

жилищно-бытовых условий уральцев. Многие статьи носили упрощенный по языку изложения и раскрытию проблемы характер, отражая уровень подготовки журналистов редакционной коллегии.

Тем не менее, с накоплением профессионального опыта, становлением сети внештатных корреспондентов журнал повышал свой уровень. К 1924 г. статьи «Рабочего журнала» стали заметным явлением в жизни Уральского региона, прежде всего у рабочих-металлистов и жителей центра Уральской области – Екатеринбурга (с ноября 1924 г. – Свердловска) [см.: Маневич, с. 2–3]. Журнал, выходящий раз в месяц в 1922 – первой половине 1923 г. и раз в две недели, начиная с лета 1923 г., неоднократно давал весьма жесткие оценки положению трудящихся и способности профсоюзов отстаивать права рабочих.

Вот что писал Н. Маневич – главный редактор «Рабочего журнала» – в начале 1924 г.: «Необходимо отрешиться от укоренившегося формального отношения к подготовке и проведению профсоюзных съездов». Автор обращал внимание на то, что организаторы, проводящие профсоюзные мероприятия, не дают реальной картины профсоюзной работы; ограничиваются цитированием тезисов, очень мало относящихся к повседневной жизни. В статьях и выступлениях профсоюзных работников отсутствуют анализ и основные проблемы профсоюзной работы. При этом профсоюзные съезды и конференции выносят резолюции, пропитанные духом казенного оптимизма. Журналист подчеркивал, что власти не замечают критики снизу, со стороны рядовых рабочих.

Содержание профсоюзного аппарата, отмечал редактор «Рабочего журнала», не только поглощало все собранные средства от взносов членов профсоюзов. Более того, на оплату труда работников профсоюзного аппарата в Екатеринбургской губернии из бюджета Уральской области выделялись дополнительные средства, составлявшие 1/3 от суммы профсоюзных взносов, в Пермской губернии – 58 %, в Челябинской – 41,5 %, а в среднем по Уральской области – 41,9 % [см.: Редакционная статья, с. 2–3].

«Рабочий журнал» критически оценивал работу фабрично-заводских комитетов. Показательной можно считать статью «Фабзавкомы на Урале», опубликованную осенью 1924 г. В ней отмечалась весьма печальная картина подлинного положения профсоюзов: 3/4 рабочего времени работников заводских комитетов уходит на выдачу справок и удостоверений. Большинство неосвобожденных членов заводских комитетов не участвуют в профсоюзной работе. Неудовлетворительной признавалась отчетность фабрично-заводских комитетов перед рабочими [см.: Мартынов, с. 3–4].

Партийное руководство возникшей в декабре 1923 г. Уральской области, объединившей большую часть губерний Уральского экономического района, спокойно относилось к многочисленным публикациям «Рабочего журнала», раскрывавшим материальное положение промышленных рабочих. В других регионах картина была еще более сложной. Местных рабочих во многом выручали собственные жилье и земельные участки [см.: Постников, Фельдман].

Но статьи, правдиво характеризующие природу отношений партии, государства и профсоюзов, бюрократический облик профсоюзной верхушки, формализм профсоюзной работы и ее оторванность от нужд рабочих, властные структуры Уральской области не могли принять иначе, как антибольшевистские. Практика борьбы с внутрипартийной оппозицией осенью 1923 – зимой 1924 г. [см.: Кружинов] сформировала вполне определенные правила взаимоотношений центра и региональных элит, в том числе и политического поведения руководящего слоя уральских коммунистов. Аналитика состояния профсоюзной работы становилась все более небезопасной: ряд критических публикаций 1924 г. «Рабочего журнала» подписывали безымянные авторы, скрывавшиеся за инициалами.

Недовольство содержанием критических статей журнала неоднократно высказывало руководство уральских профсоюзов. Так, рассмотрев *специальным вопросом* работу «Рабочего журнала» летом 1924 г., Президиум Совета профсоюзов Уральской области высказал ряд несколько завуалированных, но, тем не менее, неудовлетворительных оценок [см.: Мартынов, с. 3–4].

Вскоре обвинения журналу со стороны Президиума Совета профсоюзов Уральской области были конкретизированы: журналу инкриминировалось «неучастие в воспитательной работе среди масс»; слабая организация передачи опыта массовой работы. Многозначительно звучали слова о финансовой некупаемости журнала, завершающиеся весьма примечательным пассажем: «Следует на время оставить мысль о продвижении журнала в рабочую среду. Следует пока опираться на профработников, начиная с завкомовцев» [Что сказал пленум..., с. 1–3].

Заметим, что приведенный выше вывод противоречил решению областного съезда профсоюзов (март 1924 г.) о *максимальном продвижении* «Рабочего журнала» в рабочих коллективах [Объединенный..., с. 6–11]. Характерно и другое – за короткий срок (1922–1923) тираж журнала вырос с 2 тыс. экз. до 8 тыс.; финансовое же положение «Рабочего журнала» оценивалось главным редактором Н. Маневичем осенью 1923 г. как

«более или менее благополучное» [Маневич, с. 2–3]. С учетом того, что в 1922–1924 гг. номера «Рабочего журнала» были насыщены публикациями о конкретной деятельности профсоюзных организаций предприятий, претензии к журналу выглядели явно тенденциозно.

О степени обоснованности и научности требований Президиума Совета профсоюзов Уральской области к редакции «Рабочего журнала» свидетельствовал лозунг, провозглашенный в ноябре 1924 г. в решении пленума областного совета профсоюзов Уральской области: «покончить с неграмотностью в рабочей среде к 1 мая 1925 г.» [Что сказал пленум..., с. 1–3]. Поскольку решение проблемы неграмотности промышленных рабочих Урала не было завершено и к 1941 г., а в декабре 1926 г. (т. е. еще до массовых пополнений рабочих коллективов выходцами из деревни), согласно материалам Всесоюзной переписи населения СССР, каждый пятый рабочий-мужчина и две из пяти работниц промышленности Урала оставались неграмотными [см.: Постников, Фельдман, с. 268, 287], очевидно, что руководители уральских профсоюзов не владели достоверной информацией по данному вопросу. По большому счету, это был частный пример оторванности «защитников интересов рабочих» от жизни своих «собратьев по классу».

Нельзя не отметить и тот факт, что в решениях областного съезда профсоюзов (март 1924 г.) ставилась совсем иная, более обоснованная задача: «к 1 мая 1925 г. закончить постановку на учет всех неграмотных членов профсоюзов и развивать сеть школ». Задача сопровождалась указанием – «не проводить эту работу наспех» [Объединенный..., с. 9].

Но чем можно объяснить такой стремительный поворот от решений съезда? Систематические призывы партийного руководства области к удешевлению продукции предприятий Урала и к повышению производительности труда сопровождалась не только жесткими требованиями о временном замораживании заработной платы, исключении из текстов коллективных договоров расходов на дома отдыха и курортные путевки, сокращениях отчислений на культурные фонды до 1 % от фонда заработной платы; введении принципа платности коммунальных услуг [см.: Обращение..., с. 1–3].

Очевидное наступление на права рабочих дополнялось и призывом к сокращению освобожденного профсоюзного аппарата. На потерю управленческих мест (а с ними социального статуса и определенных льгот) профсоюзная верхушка пойти была явно не готова. Выхода из создавшегося положения имелось два: во-первых, безусловная поддержка партийных директив, с подчеркнутой готовностью к перевыполнению плана.

Пример такой инициативы с ликвидацией неграмотности рабочих в кратчайшие сроки приводился выше.

Во-вторых, имитация сокращения аппарата. Показательно, что при сокращении технических работников профсоюзных структур за декабрь 1923 – апрель 1924 г. на 21 %, численность освобожденных платных профсоюзных управленцев в областных и окружных структурах Уральской области уменьшилась только на 4 % – с 375 до 360 чел. [см.: Завальский, с. 7].

Как показывает анализ социального положения делегатов областного съезда профсоюзов (март 1924 г.), из 240 чел. только 21 оставался «рабочим у станка». 84 % делегатов являлись освобожденными профсоюзными работниками, остальные – представителями администрации предприятий. Понятие «освобожденный профсоюзный работник» и «член партии» практически совпадали: 92 % делегатов состояли на партийном учете. Большинство из них вступили в правящую партию в годы Гражданской войны [см.: Объединенный..., с. 9] и рассматривали свои должности, как полученные по праву победителей.

О степени «боевитости» профсоюзных лидеров свидетельствует решение одного из пленумов Совета профсоюзов Уральской области, в котором отмечается конкретное повышение норм выработки и снижение размеров заработной платы уральских рабочих в 1924 г.

При готовности руководителей уральских профсоюзов подчиняться партийным установкам, журнал, способный называть вещи своими именами, становился ненужным Президиуму Совета профсоюзов Уральской области. Формальным предлогом для закрытия «Рабочего журнала» в конце 1924 г., видимо, стала его «низкая окупаемость», характерная, впрочем, для большинства партийных и профсоюзных изданий. Фактической же причиной стало нежелание сохранять «очаг» критических публикаций. Фронтальный анализ материалов бюро и секретариата Уралобкома РКП(б) за вторую половину 1924 г., проведенный нами, не выявил сведений об обсуждении вопроса о закрытии «Рабочего журнала». Значит, столь щекотливое решение (начиная с символического названия издания и кончая существом вопроса) принималось кулуарно, путем устной договоренности.

Судьба «Рабочего журнала» по-своему показательна. Большевистское руководство Уральской области – рабочего края – могло проявлять определенную самостоятельность по ряду тактических вопросов, вступать в дискуссию (чаще не напрямую) с представителями центральных органов власти [см.: Фельдман, 2016]. Но идеологические конструкции,

выработанные ЦК РКП(б) – а к ним закономерно относились проблемы взаимоотношений партии и профсоюзов – не подлежали обсуждению.

И в приведенном случае с «Рабочим журналом», и в решении проблемы с забастовкой на одном из старейших предприятий края – Верх-Исетском заводе [см.: Фельдман, 2002], и во многих иных случаях прослеживалась вполне очевидная закономерность: партийная дисциплина для управленцев среднего звена оказывалась выше марксистских тезисов о роли рабочего класса, памяти о социальном происхождении, элементарной логике. Следует согласиться с мнением Д. Л. Стровского о том, что решающим фактором для закрытия ряда советских журналов в первой половине 1920-х гг. стали случаи отступления от официальной идейно-политической платформы [см.: Стровский, с. 75].

Другое дело, что элементарная логика, масштаб информации снизу (например, в виде писем трудящихся в газеты и журналы), подкрепленные данными статистики, зачастую заставляли журналистов, ученых, практиков публиковать статьи, идущие вразрез с официальной точкой зрения. Так, в журналах 1920–1930-х гг. появлялись фрагменты правдивого положения дел по отдельным вопросам. В ряде случаев такие публикации формально прикрывались ссылками на партийные постановления руководящих органов ВКП(б), где давалась нелицеприятная оценка работы в той или иной партийной или профсоюзной организации.

Казалось бы, партийно-государственная цензура надежно перекрывала каналы инакомыслия. Однако и в конце 1920-х гг., и в начале 1930-х гг. в уральских журналах появлялись статьи, объективно разрушающие мифы советской пропагандистской машины. Наиболее глубоким и обстоятельным примером можно считать публикации А. П. Танеева в журнале «Уральский коммунист» [см.: Танеев]. Как видно, издание «Рабочего журнала», даже за короткий срок своего существования, способствовало формированию критических подходов к положению рабочих на производстве и в быту.

Насколько история с закрытием «Рабочего журнала» на Урале была типична для советских профсоюзных журналов в годы НЭПа? Судя по выпускам ведущего профсоюзного издания в СССР – журнала «Вопросы труда», критическая направленность журнальных статей была не редкостью в эти годы. Так, в юбилейном выпуске журнала, подводившем итоги десятилетия советской власти, автор статьи «Десятилетие советской охраны труда» сделал вывод об *эволюционном* развитии трудового законодательства в области охраны труда в дореволюционный и в советский периоды [см.: Каплун, с. 56].

Как и до революции, проблема заключалась не только в принятии законов о труде, но и в неуклонном их выполнении. Между тем, подписание коллективных договоров в 20-е гг. XX в. сочеталось с «полной безответственностью местных и центральных хозорганов, не гарантирующих выделение необходимых средств». Проблема осложнялась тем, что «трудовые законы перестали быть доступными тем, для чьей защиты они предназначались» [Лях].

Профсоюзное издание фиксировало: в ряде случаев просматривается откат назад в области страхового законодательства. Так, число особых дней отдыха, установленных на местах и, как правило, связанных с религиозными праздниками, было сокращено с 15 до 8 в мае 1925 г., расширились возможности хозорганов увольнять рабочих за первое же нарушение и т. д. В целом же в 1923–1927 гг. по ряду вопросов произошло ухудшение правового положения рабочих. Аргументация была убедительной: в качестве примеров был приведен ряд указов и инструкций, позволяющих хозяйственным органам все увереннее диктовать свои условия трудовым коллективам [см.: Там же].

Корнем проблемы называлась то низкая общеобразовательная подготовка инспекторов труда, то халатность хозяйственных органов. Трудно согласиться с такими доводами, так же как с утверждением о том, что причиной этого явления стала ориентация профсоюзов на решение производственных вопросов [см.: Шмидт, с. 5–9].

В реальности объяснение было связано прежде всего с тем, что в низкорентабельной экономике 20-х гг. в принципе не могли действовать полноценные социальные программы. Кроме того, по мере формирования номенклатурного управленческого социального слоя с собственными интересами интересы рабочих масс все менее остро ощущались властью. Как видно, в профсоюзном журнале была зафиксирована *стагнация государственной политики по рабочему вопросу в период 1923–1926 гг. и снижение значимости указанной политики среди приоритетов правящей партии, начиная с 1927 г.*

«Ультралевоый поворот», начатый Сталиным в 1928 г., означал не только принятие и последовательную реализацию политики Большого скачка. В обстановке политической истерии и нарастания радикализма умеренные силы в партии к концу 1920-х гг. были принуждены замолчать [см.: Хлевнюк, с. 158]. Профсоюзные журналы лишались права на сколько-нибудь значимую критику. С осени 1928 г. началась кампания проработки профсоюзных функционеров всех уровней [см.: Шварцман]. Наркомат труда обвинялся именно в том, в чем было виновато само руко-

водство ВКП(б): в «потакании» хозяйственникам, протекционизму на биржах труда [см.: Журавлев]. Минимизируется критическая направленность статей в журнале «Вопросы труда», оставшихся региональных профсоюзных журналах. Выбор приоритетов политики в рабочем вопросе был сделан не в сторону последовательного, пусть и относительно медленного, улучшения жизни рабочих, а в направлении декларативных заявлений.

Что же касается уральского «Рабочего журнала», его короткий жизненный путь, завершившийся в 1924 г., следует рассматривать как прелюдию выстраивания профсоюзной печати в единый ряд «партийной печати».

Журавлев В. О недостатках в работе НКТ РСФСР и его местных организаций // *Вопр. труда.* 1928. № 11. С. 22–26.

Завальский В. Я. Уральские профсоюзы после районирования // *Рабочий журн.* 1924. № 8. С. 7–10.

Каплун С. Десятилетие советской охраны труда // *Вопр. труда.* 1927. № 10. С. 52–76.

Кружинов В. М. Политические конфликты в первое десятилетие Советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

Лях А. Развитие советского законодательства о труде за десять лет // *Вопр. труда.* 1927. № 10. С. 114–128.

Маневич К. Наш журнал // *Рабочий журн.* 1923. № 9. С. 2–3.

Мартынов Г. Несколько замечаний о «Рабочем журнале» // *Рабочий журн.* 1924. № 12. С. 35.

Мартынов Г. Слабые места работы профсоюзов // *Рабочий журн.* 1924. № 15. С. 3–4.

Обращение Уралпрофсовета. Денежная реформа и задачи рабочего класса // *Рабочий журн.* 1924. № 7. С. 1–3.

Объединенный съезд профсоюзов // *Рабочий журн.* 1924. № 6. С. 611.

Овсянников В. А. Бюджеты екатеринбургских рабочих // *Рабочий журн.* 1922. № 1. С. 18–20.

От редакции // *Рабочий журн.* 1922. № 1. С. 1–2.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1917 гг.). М., 2009.

Редакционная статья // *Рабочий журн.* 1924. № 1. С. 1–2.

Стровский Д. Л. Отечественная журналистика новейшего периода. М., 2011.

Таняев А. П. Проблема промышленных кадров для «Большого Урала» // *Урал. коммунист.* 1930. № 3–4.

Толстомятов И. А. Заработная плата в уральской промышленности // *Рабочий журн.* 1922. № 1. С. 7–8.

Фельдман М. А. Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. // *Вопр. истории.* 2016. № 12. С. 29–39.

Фельдман М. А. Забастовка на Верх-Исетском заводе 12–13 мая 1927 г. // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002. Екатеринбург, 2002. С. 207–209.

Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.

Что сказал пленум Уралпрофсовета // Рабочий журн. 1924. № 16–17. С. 27–29.

Шварцман Д. Пятый пленум ВЦСПС // Вопр. труда. 1928. № 11. С. 27–34.

Шмидт В. В. Наши достижения в области труда к десятилетию Октября // Вопр. труда. 1927. № 10. С. 5–19.

УДК 94(47).084.8:32.019.51

М. А. Клинова

ПОНЯТИЯ «КОЛЛЕКТИВИЗМ» И «ИНДИВИДУАЛИЗМ» В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1946–1953 гг.

В статье анализируется содержание статей газеты «Правда» и журнала «Смена» 1946–1953 гг., в которых встречаются понятия «индивидуализм» и «коллективизм». В качестве методов обработки материалов использовались контент-анализ и дискурс-анализ источников. Выявлено, что понятия «коллективизм» и «индивидуализм» характеризовались неравнозначной востребованностью. Они презентовались как антонимы, сопровождалась полярными оценочными характеристиками. Понятие «коллективизм» определялось положительными коннотациями, как признанная форма трудовой деятельности и существования советского человека, в свою очередь, понятием «индивидуализм» стигматизировались различные проявления личности, связанные как с моральными девиациями, так и с дистанцированием от коллектива.

К л ю ч е в ы е с л о в а: индивидуализм, коллективизм, советская периодическая печать, «Правда», «Смена», формирование общественного мнения.

Изучение механизмов формирования сознания граждан является актуальным вектором современных научных разработок, направленных на изучение советской повседневности. Важнейшим источником по данной проблематике стали материалы печатных СМИ. Через тексты и визуальные образы, помещенные на страницах газет и журналов, транслировались идеологические императивы, формировалось отношение к проживаемым реалиям. Сегодня обращение к материалам советской прессы является актуальным трендом исторических разработок, направленных на изучение общественного сознания населения [см.: Буряк], реконструк-